

Он не удержался и спросил:

— А У, ты и император, в конце концов...

Тан Сяоу вдруг бросился к нему, закрыл ему рот рукой и тихо предупредил:

— Ни слова больше! Его личность нужно хранить в тайне.

Бай Иньфэн изо всех сил разжал его руку, наконец сможет нормально дышать:

— Понял. А ты и господин Юнь... можно сказать, объяснились?

На лице Тан Сяоу появилась мечтательная улыбка, но затем она медленно застыла:

— Можно сказать. Только из-за своего положения он не может быть со мной каждый день.

— Он не планирует быть с тобой? — Бай Иньфэн внезапно обрадовался, братья вместе несчастны — отличное чувство!

Тан Сяоу вздохнул и рассказал ему всю историю.

Бай Иньфэн удивился:

— Он во дворце, ты за пределами дворца. Хотя их разделяет всего одна стена, у него нет времени выходить, а ты не можешь войти. Такую жизнь, где встречи редки, а разлуки долги, ты тоже готов терпеть?

Тан Сяоу мрачно сказал:

— Что же тут поделаешь? Моё сердце тоскует только по нему одному, раньше я так ни по кому не тосковал, и в будущем не будет. Если я с ним хоть мгновение, то и счастлив мгновение. Если же мы расстанемся, боюсь, мне уже никогда не будет хорошо.

Бай Иньфэн остолбенел, в сердце вдруг стало горько и обидно. Хотя он и его брат, тот никогда не тосковал по нему так серьёзно.

Эта мысль лишь мелькнула у него в голове, но, увидев, как Тан Сяоу грустит, он перестал об этом думать, обнял его за плечи:

— Не думай об этом, пошли, брат поведёт тебя в ресторан, сегодня вечером оторвёмся по полной.

Тан Сяоу уныло ответил:

— Я не хочу есть...

— Пойдём есть хого, возьмём несколько порций баранины, хорошо?

— Не хочу хого с бараниной...

— Тогда поедем есть утку по-пекински, запечённую на древесине финикового дерева!

Тан Сяоу нехотя согласился. Оказавшись за столом, он попросил у слуги кувшин вина, налил его в графин и стал пить сам, наливая себе.

Бай Иньфэн не смог его отговорить, пришлось, когда тот наполовину опьянел, тайно разбавить вино водой, Тан Сяоу этого не заметил.

Он не жаловался Бай Иньфэну, выпив вино, просто повалился головой на стол.

Бай Иньфэн расплатился за вино и повёл его домой.

Он думал, что после отъезда тех брата и сестры они смогут вернуться к прежней жизни, но сейчас, кажется, всё изменилось.

Поместив Тан Сяоу на кровать, Бай Иньфэн, чтобы тому было удобнее спать, снял с него верхнюю одежду. Под тонкой внешностью скрывалось крепкое и сильное тело, во время любовных утех, возбуждвшись, он даже мог крепко прижать его, не давая пошевелиться.

Бай Иньфэн невольно почувствовал жар на лице, не осмелился задерживаться, накрыл Тан Сяоу одеялом и пошёл прибираться в другую комнату.

Изначально они спали на одной кровати, но раз Тан Сяоу признал, что объяснился с Юнь Тао, обеим сторонам, естественно, следует соблюдать прежнее обещание и не делать того, что выходит за рамки братских отношений.

Вспомнив, как Тан Сяоу лично признался, что единственный, по кому он тоскует, — это Юнь Тао, Бай Иньфэну стало щемить сердце. Спустя некоторое время, осознав, что он так убивается по пустякам, Бай Иньфэн не выдержал и выругал себя.

Это просто глупые слова влюблённого юнца, зачем принимать слова Тан Сяоу всерьёз? Разве Тан Сяоу откажется от их братских чувств?

Подумав так, он успокоился.

На следующий день, когда Бай Иньфэн проснулся, Тан Сяоу уже встал, наносил воды и приготовил завтрак. Увидев, что тот проснулся, Тан Сяоу поблагодарил его за то, что тот привёл его домой. По его словам, настроение уже улучшилось, и он с улыбкой спросил:

— Почему ты не спишь со мной? Я один напился, а А Фэн даже не хочет позаботиться обо мне одну ночь?

Бай Иньфэн не хотел, чтобы эти запутанные отношения продолжались. Чем дольше он находился рядом с Тан Сяоу, тем легче было поколебаться. Вчера он едва не потерял самообладание перед наполовину раздетым Тан Сяоу, в будущем уж тем более нельзя делить с ним комнату.

Он тоже улыбнулся и сказал:

— Ты пьёшь очень культурно, зачем мне о тебе заботиться? Раз уж ты приготовил завтрак, то обед сделаю я, я пойду куплю продукты.

Сказав это, он поспешно убежал.

Когда он вернулся, Тан Сяоу ничего не сказал, только между ними стало меньше разговоров, появилась атмосфера некоторой отстранённости.

Вечером, поужинав, они разошлись по своим комнатам отдыхать.

Бай Иньфэн признался себе, что намеренно избегает Тан Сяоу, но ничего не поделаешь: хотя он каждый день играл с великой принцессой, это не изменило его зависимости. Видя, что у Тан Сяоу появился возлюбленный, а он всё ещё надеется, что Тан Сяоу обнимет его, кем же он тогда стал?

Несколько дней прошло без происшествий. Бай Иньфэн следил за собой, чтобы не переходить границы, кроме обеденного стола, старался избегать встреч с Тан Сяоу. Решил подождать, пока сердце успокоится, и тогда объясниться с Тан Сяоу.

Кроме того пиршества с жарким, еда в усадьбе была довольно пресной. Хотя Бай Иньфэн часто готовил для Юнь Лань сладости, за ним во время подготовки наблюдало несколько слуг, поэтому он не особо готовил.

Вернувшись, он наверстывал упущенное для себя и Тан Сяоу. Вечером он потушил старую курицу-несушку, возможно, положил слишком много каштанов, и его начало «бросать в жар». Он ворочался с боку на бок, но никак не мог уснуть.

В дверь комнаты постучали три раза. Он слегка вздрогнул и увидел, как дверь открывается снаружи. На пороге стоял Тан Сяоу с подушкой в руках и жалобно сказал:

— А Фэн, я не могу уснуть.

Бай Иньфэн подумал, что, возможно, это его вина, и стал добрее:

— Сходи попей холодной воды, тогда уснёшь.

Тан Сяоу с подушкой подошёл, положил её рядом с его подушкой и сам забрался на его кровать:

— А Фэн, я один не могу уснуть.

— Ты один не можешь уснуть, какое это имеет ко мне отношение? Может, пойдёшь к господину Юню? У тебя же отличное лёгкое мастерство, разве нет?

Тан Сяоу покачал головой:

— Я обещал не искать его самовольно.

Бай Иньфэн посмотрел на него:

— И что дальше?

Тан Сяоу жалобно произнёс:

— А Фэн, раньше же у нас всё было хорошо? Почему ты избегаешь меня?

Бай Иньфэн вынужден был напомнить ему:

— Ты что, забыл, о чём мы договорились?

— Конечно, помню! Но сейчас ситуация другая. А Фэн, у меня так твердо, что вот-вот лопнет...

Тан Сяоу схватил руку Бай Иньфэна и прижал её к своему нижнему участку:

— Потрогай сам и поймёшь, ему так плохо.

Кончики пальцев Бай Иньфэна коснулись этого горячего места, и он слегка вздрогнул.

— А Фэн, я правда не могу больше терпеть...

Тан Сяоу внезапно набросился на него, прижавшись губами к его губам.

Он смутно слышал звук, который издал его разум, готовый вот-вот сломаться, едва успел протянуть руку, чтобы оттолкнуть Тан Сяоу, но тот схватил его за запястье, повалил на кровать и снова глубоко поцеловал.

Бай Иньфэн оттолкнул Тан Сяоу, тяжело дыша, и сказал:

— А У, нельзя, ты не должен поступать так с господином Юнем...

Тан Сяоу со слезами на глазах произнёс:

— Если бы брат Юнь узнал о моей невысказанной трудности, он обязательно простил бы меня. К тому же мы же братья! Он не такой неразумный человек.

А кто его знает, что он за человек, я с ним не знаком!

Бай Иньфэн разозлился:

— Врёшь! Разве ты ложишься в постель со всеми своими братьями?

— У меня только ты один брат.

Выражение лица Тан Сяоу было жалобным, но его грозное оружие ниже совсем не было жалким. Бай Иньфэн, лишь взглянув на него, почувствовал, как его задний проход резко сжался, и хлынула непрерывная влага.

В его голове прозвучал гул, и он полностью оцепенел.

Как же так, прошёл целый месяц, а улучшений совсем нет?

Тан Сяоу воспользовался его оцепенением, стянул с него штаны, приподнял одну ногу и воткнул своё оружие в плотно сжатое отверстие.

Детородный орган Тан Сяоу был необычайно толстым, даже со смазкой из любовных соков, внутреннее отверстие много дней не подвергалось вторжению извне и уже вернулось к первоначальному состоянию.

Твёрдый предмет Тан Сяоу ударился о его нежное отверстие, он вскрикнул от боли, затем в месте соития раздался хлюпающий звук, и огромный предмет вошёл внутрь.

Тан Сяоу сильно удивился:

— Разве не очень легко вошло? Почему же кричишь так болезненно?

Бай Иньфэн в сердцах ударил его:

— Так внезапно, разве может не болеть?

— Не болит, не болит! — Тан Сяоу поспешно начал гладить его по всему телу. Дойдя до двух половинок мяса на ягодицах и почувствовав их округлость и упругость, он не смог оторваться.

Бай Иньфэн отстранил его руку и раздражённо сказал:

— Хватит гладить, от этого мне щекотно.

— Где щекотно? — Тан Сяоу сразу оживился. — Попка щекотно? Если попка щекотно, обычно достаточно пару раз шлёпнуть!

— Катись! Если хочешь делать — делай, не хочешь — не трогай.

Кроме поцелуев и постели, Бай Иньфэн не очень любил другие контакты с Тан Сяоу, потому что это вызывало у него слишком сильную реакцию, иногда он не мог себя контролировать.

<http://bllate.org/book/15610/1393673>